

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сергей Иванович Вяземский нащупал в темноте тяжелую дверную ручку, опустил ее и аккуратно толкнул деревянную калитку. К его удивлению, дверь не была заперта. Он с облегчением выдохнул и вошел. Двор не был освещен, в окнах дома тоже было темно. Летнюю тишину села нарушали лишь сверчки и отдаленный редкий лай собаки с соседней улицы на берегу реки.

Несмотря на жаркий климат здешних мест, летняя ночь была холодной. И невероятно темной. Эту особенность Сергей Иванович отметил еще четыре дня назад, когда впервые при-

ехал сюда, в Марфино, и вышел покурить перед сном: ни луны, ни звезд на небе не было, и в тех местах, где улицы не освещались фонарями, на расстоянии вытянутой руки густилась крошечная тьма. Ни в одной известной местности ему еще не приходилось наблюдать подобное явление.

Решив достать мобильный телефон, Сергей Иванович засунул руку в карман, но вынул из него маленькую ветку травы. Выкинув ее, из другого кармана он извлек телефон и убавил яркость дисплея. Затем опустил экран ближе к земле, пытаясь разглядеть предстоящий путь. От калитки в глубь двора вела узкая тропинка, краями поросшая зарослями полыни и чертополоха. Осторожно ступая вперед, короткими шагами он двинулся в сторону дома.

Жители села настоятельно рекомендовали ему, как гостю, не выходить из дома по ночам и уж тем более ни под каким предлогом не приближаться в темное время суток к этому месту. Сергей Иванович всегда скептически относился к подобным предостережениям и никак не мог

последовать такому совету, поскольку целью его приезда в эту деревенскую глубинку были именно такие места.

Накануне днем проходя по улице, он постарался детальнее изучить обстановку домовладения, насколько это позволяли щели в старом заборе. Теперь же, в сумерках ночи, все ощущалось иначе. Осознание незаконности своего нахождения на частной территории повышало напряжение, а тот факт, что дальше полутора метров в темноте могло быть что угодно, будоражил сознание до холодных мурашек.

Когда в поле зрения появилось очертание дома, Сергей Иванович вздрогнул от резко пронесшегося где-то наверху протяжного крика птицы.

«Долбаный филин!» — подумал он и сразу же вспомнил поверье местных жителей о том, что ночами кричащие совы скликают души умерших. Переведя дыхание, он взял себя в руки и решил направиться дальше.

Будучи журналистом, Вяземский приехал в село Марфино Астраханской области делать

репортаж о происходящей в округе мистике. По определенным, но необъяснимым причинам село считали средоточием колдунов, ведьм и прочей нечисти. Знакомые рассказывали многочисленные истории о происходящих здесь странных событиях, связанных с исчезновениями и гибелью людей.

Кульминация скопившегося интереса к астраханскому селу у журналиста произошла после того, как в Сети он наткнулся на статью об участниках известного телевизионного шоу, которые приезжали сюда расследовать причины загадочных смертей. Медиумы отметили, что это место проклято, люди здесь гибнут очень часто.

Верить экстрасенсам Вяземский категорически отказывался, но не мог скрыть, что любопытство в нем раскалилось до предела, в результате чего согласовал с руководством служебную командировку.

Сергей Иванович остановился, обернулся назад и поднял вперед телефон с тусклым дисплеем, чтобы проверить, не увидел ли кто, как он вошел во двор, и не зашел ли следом, но ка-

литка с забором слились в беспросветной мгле. С детства он не боялся темноты, но в этот раз что-то заставляло его испытывать непривычный мандраж по телу. Поняв, что держать ситуацию под контролем бесполезно, он начал поворачиваться обратно, и в этот момент перед его лицом возник вытянувшийся вверх силуэт человека с омерзительно страшной головой. Вяземский от испуга дернулся назад и, споткнувшись, упал на землю. Крепко сжимая в руке телефон, он вытянул его вперед, освещая перед собой преграду. Человек по-прежнему стоял там, но не шевелился. Присмотревшись внимательнее, журналист разглядел в нем пугало, стоявшее на деревянной ноге у тропинки.

Выругавшись, Сергей Иванович поднялся на ноги, отряхнулся и поднес экран мобильного к пугалу. Голова у него была из старого мешка, из которого грозно глядели неровные прорезы глаз, а ниже растягивалась дугой вышитая проволокой линия рта. Вяземский резко показал ему средний палец и, не получив ответа, пошел дальше.

По собранной им информации, здесь жила ведунья Агата Никаноровна Хилер, с которой он и познакомился в первые дни своего приезда. На его расспросы сельчане отзывались о ней как о самой неприятной жительнице округа, рассказывали леденящие кровь истории.

Пожалуй, самой необычной особенностью, о которой все говорили, было то, что здешние ведьмы «водят». Под этим местные понимали ведовскую способность заводить людей в воду ночью, после чего человек либо тонул, либо вообще исчезал без вести. Некоторые из этих историй касались и Хилер.

Сергею Ивановичу было известно, что в Московском государстве XVI века ведьмы, несмотря на низкий общественный статус, находились под защитой закона, и согласно положениям Судебника 1589 года за их оскорбление полагалась выплата пени — так называемое «бесчестье»; ведовство само по себе преступлением не являлось. В отличие от славян западное отношение к ведьмам было существенно строже — их массово преследовали и сжигали. Основанием для преследо-

вания там было подозрение в апостасии — отношениях с нечистой силой, отступничестве от Бога.

В то же время у славян все процессы против ведьм строились на конкретных жалобах о причинении ими какого-то вреда и начинались только с иска частного лица, что было вызвано отсутствием на Руси тех демонологических представлений, которые вызвали на западе жестокое преследование магов.

Сейчас Вяземскому не на шутку казалось, что славянская школа явно недооценивала значение наших волшебниц в мировой культуре фантастики и незаслуженно ограничилась их упоминанием в фольклоре в виде Бабы-яги и произведениях Гоголя.

Хилер отказалась вести с заезжим гостем конструктивный диалог при первой встрече и уж тем более демонстрировать ему свою «избушку». Снять завесу тайны с главной героини сюжета, таким образом, не удалось, и Сергей Иванович решил применить негласные методы журналистского расследования, тайно пробравшись в мистические апартаменты ночью.

Среди рассказов об Агате Никаноровне значительную часть занимали повествования о непонятной активности, происходившей ночами в ее доме. Одни говорили, что, проходя после полуночи мимо по улице, слышали залиvistый смех, раздававшийся из дома ведуньи со странными громкими хлопками. Другие рассказывали, как испуганно ускоряли шаг, когда до них доносились гроыхающие в доме звуки, похожие на топот празднующего застолья и сопровождаемые визгом свиней.

Ничего похожего на описанные события Вяземский сейчас не слышал. Напротив, кровь в жилах стыла от давящей тишины.

Тем временем он подошел к крыльцу. Деревянная ступень под ногой предательски скрипнула, и Сергей Иванович, замерев на месте, зажмурился, ругая себя за детскую неосторожность. Убедившись, что вселенная никак не отреагировала на сработавший капкан, он осветил телефоном на дверь, а также взглянул в расположенные по ее краям безжизненные окна. Тьма.

Потянув за ручку, он обнаружил, что и эта дверь не заперта. Осторожно открыв ее, Вяземский услышал чей-то голос в глубине внутреннего пространства дома. До этого, в ходе короткой встречи с хозяйкой дома, они перекинулись парой слов, и этого хватило, чтобы запомнить ее весьма неприятный голос, однако в настоящий момент было трудно разобрать, кто и что говорил. Говор был негромким и монотонным. Журналист вошел в коридор и прикрыл за собой дверь. Внутри было еще холоднее, чем на улице. Он невольно поежился, пожалев, что не надел что-то с длинным рукавом.

Где-то в другом конце помещения едва различимо мерцал тусклый свет, будто за стеной коридора в комнате горела свеча. Медленно ступая к свету и выставляя перед собой руку с телефоном, Сергей Иванович увидел, что погас дисплей. Он остановился посреди коридора и с негодованием заключил, что смартфон не работает. Судорожные нажатия на кнопку включения не привели к успеху и вынудили его в очередной раз мысленно чертыхнуться.

Понимание того, что теперь освещать дальнейший путь будет нечем, усугубилось вдруг нахлынувшей мыслью о невозможности вызвать полицию в случае чего. Тут же его осенило, что в селе ночью из состава правоохранителей можно рассчитывать только на участкового, но в тот же момент он подумал, что в ближайшее время скорее проснется Вий, чем участковый. Журналист глубоко вдохнул и успокоил себя напоминанием — Агата Никаноровна в свои семьдесят с лишним лет ввиду больных суставов по дому передвигается с большим трудом и почти всегда в инвалидном кресле. Ухаживающая за ней внучка в доме бывает только до вечера и сейчас должна быть уже у себя дома. Никто никому не причинит никакого вреда, он только лишь одним глазком подсмострит, чем это там госпожа Хилер занимается в столь поздний час.

Подойдя ближе, Вяземский рассмотрел очертание стены, за которой, похоже, горела свеча. Это был угол с поворотом продолжающегося коридора. Деревянный пол под ногами изо всех сил старался аккомпанировать скрипом каждо-

му шагу, и журналист ступал с предельной аккуратностью. По тому, как становящийся все более отчетливым говор не менял темпа, он понимал, что остается незамеченным.

Теперь совершенно точно можно было сказать, что голос принадлежал хозяйке дома. Она говорила тихо и очень быстро, в одной тональности. Однако конкретных слов разобрать было по-прежнему невозможно. Одновременно с этим оттуда раздавались странные звуки, не поддающиеся описанию. Что-то отдаленно напоминающее хруст ломающихся костей вперемешку с шелестом листьев.

За последние несколько дней Сергей Иванович пришел к убеждению, что марфинские легенды полны таинственности и романтики. Во многих населенных пунктах имеются «нехорошие» дома. Жители села нарекли мистической славой и дом Агаты Никаноровны. Вяземский с каждой минутой все сильнее ощущал, что приближается к разгадке тайны, но в эти мгновения от подобной романтики волосы дыбом поднимались на теле. Непреодолимое любопытство